

Прагматический анализ многозначности при проведении лингвистического исследования в рамках судебной экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму

 О.В. Кожара

Федеральное бюджетное учреждение Саратовская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Саратов 410003, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и методологические основания для установления «намеренного» характера неоднозначности при проведении лингвистического исследования в рамках экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. Обсуждается понятие «намеренной» неоднозначности с точки зрения прагматических функций, реализуемых многозначностью в разных типах дискурса. Показано, что неоднозначность в «экстремистском» дискурсе выполняет не только риторическую функцию воздействия на адресата, но и способствует реализации коммуникативных стратегий автора текста по нивелировке негативного («экстремистского») смысла, снятия ответственности за сказанное. Этим обосновывается необходимость прагматического анализа неоднозначности. Установление «намеренной» неоднозначности в текстах судебной лингвистической экспертизы предполагает всестороннее исследование жанровой специфики текста, а также диктуемых ею интенций автора и ожиданий адресата. Учет данных характеристик позволяет обеспечить обоснованность выводов эксперта о «намеренном» допущении неоднозначности, а также о степени вероятности актуализации «экстремистского» значения.

Ключевые слова: полисемия, двусмысленность, намеренная неоднозначность, прагматический анализ, массовая коммуникация, экстремизм

Для цитирования: Кожара О.В. Прагматический анализ многозначности при проведении лингвистического исследования в рамках судебной экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 4. С. 88–93. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-4-88-93>

Pragmatic Analysis of Ambiguity as Part of Forensic Linguistic Examination of Texts on Cases Related to Countering Extremism

 Olesya V. Kozhara

Saratov Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Saratov 410003, Russia

Abstract. The article discusses the theoretical and methodological grounds for establishing the “intentional” nature of ambiguity when conducting a linguistic analysis on cases related to countering extremism. The author addresses the concept of “intentional” ambiguity from the point of view of pragmatic functions implemented by ambiguity in different types of discourse. In particular, the paper shows that ambiguity in the “extremist” discourse performs not only the rhetorical function of influencing the addressee, but also contributes to the implementation of the author’s communicative strategies such as leveling the negative (“extremist”) meaning, absolving the author of responsibility. This justifies the need for a pragmatic analysis of ambiguity. Establishing of “intentional” ambiguity in the texts as part of forensic linguistic analysis involves a comprehensive study of the text’s genre specifics, as well as the author’s intentions and the recipient’s expectations implied. Accounting for these characteristics ensures the validity of the expert’s conclusions about the “intentional” nature of ambiguity, as well as the probability of “extremist” meaning in the analyzed context.

Keywords: polysemy, ambiguity, intentional ambiguity, pragmatic analysis, mass communication, extremism

For citation: Kozhara O.V. Pragmatic Analysis of Ambiguity as Part of Forensic Linguistic Examination of Texts on Cases Related to Countering Extremism. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 88–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-4-88-93>

Введение

Установление смысла неоднозначного высказывания является типичной задачей семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе. Разрешение лексической неоднозначности – при наличии в тексте многозначных слов (или омонимов) – представляет обязательный этап лингвистического анализа спорного текста и фиксации его смыслового содержания. Использование метода контекстуального анализа с опорой на данные толковых словарей, как правило, позволяют эксперту-лингвисту установить значение, в котором употреблено многозначное слово в контексте.

Вместе с тем многозначность (полисемия) языковых знаков рассматривается как один из факторов, затрудняющих смысловое понимание текста и его объективацию [1] в тех случаях, когда опора на контекст и коммуникативную ситуацию не позволяет эксперту установить значение единицы. Отражение данного обстоятельства в выводах эксперта зависит от типа неоднозначности сказанного.

В методике проведения экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма [2], предлагается отличать *полную неоднозначность* сообщаемого, при которой эксперт должен сделать вывод НПВ¹ ввиду недостаточной информативности объекта, от собственно *двусмысленности*, когда контекст допускает выражение альтернативных значений многозначного слова. В случае двусмысленности сообщения фиксации в выводах подлежат оба значения. При этом экспертом отмечаются факторы, «указывающие на преднамеренный характер допущения автором неоднозначности», например, жанр текста, уровень языковой компетенции автора [2, с. 92].

Особый интерес в практике лингвистической экспертизы представляют случаи, когда использование многозначной единицы в спорном тексте служит целям намеренного усложнения плана содержания, когда говорящий (автор) сознательно помещает единицу в такой контекст, который допускает несколько прочтений.

Понятие «намеренной» неоднозначности в лингвистической литературе

Говоря о «преднамеренном» характере допущения неоднозначности в тексте, сле-

дует сделать несколько замечаний. Многозначность, не снимаемая контекстом, часто рассматривается как отклонение от нормальной ситуации общения, в которой говорящий (автор) имеет в виду только одно из значений слова. В литературе неоднократно высказывалась мысль, что «в момент речи для него [говорящего] существует только одно значение, максимально актуальное для выражения данного смысла» [3, с. 53]. Более того, говорящий, употребляя те или иные слова, «может не отдавать себе отчета в их многозначности», поэтому проблема омонимии, неоднозначности сказанного, «в принципе может существовать только для слушающего» [4, с. 110].

При этом в поле зрения исследователя попадает только «ненамеренная» неоднозначность, при которой многозначная единица «неосознанно» используется говорящим в недостаточно информативном контексте. Такая неоднозначность повсеместна, естественно обусловлена природой коммуникации: американский лингвист Т. Васов (T. Wasow) отмечает, что на практике постулат общения «избегай неоднозначности» систематически нарушается в пользу говорящего, который экономит свои усилия, полагаясь на способность слушающего установить подразумеваемое значение с опорой на контекст [5]. При отсутствии возможности дополнить контекст уточняющей информацией «ненамеренная» неоднозначность способна привести к затруднению понимания сообщения и к коммуникативной неудаче.

В то же время лингвисты обращают внимание на тот факт, что неоднозначность иногда не только не создает помех в общении, но и существенно расширяет возможности коммуникации. С этой точки зрения исследователи [6] различают два типа неоднозначности: 1) в которой говорящим подразумевается только одно значение («ненамеренная», обусловленная недостаточностью контекста); 2) подразумевающая одновременное выражение нескольких значений в высказывании. При этом неоднозначность первого типа, как правило, нежелательна для говорящего и требует обязательного разрешения слушающим; неоднозначность второго типа предполагает определенные коммуникативные преимущества. Использование полисемии в разговоре (например, в каламбурных высказываниях, где сталкиваются два значения многозначного слова) позволяет достичь прагматического

¹ Не представляется возможным ответить на поставленный вопрос.

эффекта – привлечь внимание слушающего к сообщению, «оживить» значение привычных слов, укрепить связи между коммуникантами и, в целом, сделать разговор «более интересным» [7].

С учетом изложенного, стоит различать «ненамеренную» неоднозначность, которая не входит в планы говорящего и способна привести к коммуникативной неудаче, и неоднозначность «преднамеренную», оправданную с точки зрения реализуемых ею прагматических целей. Неоднозначность может выступать основанием стилистического приема и тогда имеет место «прагматически мотивированная» двусмысленность [8].

О том, что двусмысленность используется именно в качестве стилистического приема, а не является случайностью, речевой ошибкой, возможно судить тогда, когда выполняемая двусмысленностью функция соответствует характеристикам данного речевого жанра. Например, двусмысленность как средство привлечения внимания соответствует интенциям автора и ожиданиям адресата в рамках жанра «газетного заголовка». Таким образом, для определения «намеренного»/«ненамеренного» характера неоднозначности исследователи предлагают опираться на такие показатели, как уместность двусмысленности в тех или иных сферах и жанрах и произведенный ею эффект [9].

«Намеренная» неоднозначность подробно рассматривалась как средство создания стилистического приема с точки зрения ее экспрессивной функции в тексте [10]. Между тем прагматика неоднозначных высказываний значительно шире и не ограничивается сферой художественной и публицистической коммуникации. Неоднозначность высказывания является эффективным средством реализации различных речевых стратегий как со стороны говорящего (который может прибегать к двусмысленности, чтобы ввести адресата в заблуждение), так и со стороны слушающего (который может «злоупотреблять» тем, что высказывание допускает двоякое понимание).

Методологические основания исследования неоднозначности в судебной лингвистической экспертизе

Разнообразие прагматических функций, реализуемых неоднозначностью в разных типах дискурса, позволяет до известной степени объективировать понятие «наме-

ренной» двусмысленности и применять его в судебной лингвистической экспертизе. Установление «намеренного» характера неоднозначности (двусмысленности) требует от эксперта применения особого метода прагматического анализа, в ходе которого эксплицируются коммуникативные установки, ожидания автора/адресата, характерные для жанра и типа дискурса исследуемого текста.

Цель настоящей статьи – рассмотреть случаи «намеренной» двусмысленности с точки зрения их прагматической функции в спорных текстах. В частности, объектом специального внимания являются высказывания, в которых двусмысленность обусловлена лексической неоднозначностью (полисемией/омонимией).

Свойство многозначности лексической единицы может использоваться для сокрытия информации. Известным способом маскировки «преступного» содержания в разговоре является смена кода – употребление единицы общеупотребительной лексики в специфическом жаргонном значении. При этом часто имеет место одновременная актуализация говорящим основного номинативного и жаргонного значений слова. Так, О.Н. Матвеева приводит пример разговора, в котором употребляется слово *книжка*, при этом участники используют единицы из семантического поля, к которому принадлежит слово в своем прямом значении (*почитать, том, листы*) [11]. Вместе с тем отдельные реплики указывают на аномальность употребления слова в прямом значении (*Я прям чуть-чуть взял там, пока не хавал*). Введение в разговор многозначной единицы таким образом создает два уровня его понимания – поверхностный, доступный для постороннего адресата, и глубокий – ориентированный на адресата, для которого предназначена информация о реальном предмете речи (в данном случае – о наркотиках).

Обширный материал для изучения прагматически обусловленного, «намеренного» использования многозначности слова представляют проблемные тексты экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма.

В массовой коммуникации использование многозначных слов является известным средством усиления воздействия текста на адресата. Так, одним из наиболее часто используемых средств выразительности в креолизованных текстах является при-

ем «двойной актуализации значения» [12], возникающей в результате обыгрывания, столкновения значений многозначного слова, выраженных вербальным и визуальным компонентом.

Е.Л. Дайлоф в качестве примеров рассматривает демотиваторы, в которых визуальный образ актуализирует определенное значение многозначного слова в вербальном компоненте [13]. Изображение собак породы «кавказская овчарка» в совокупности с текстом «Кавказцы... есть среди них и нормальные» указывает на то, что лексема «кавказец» употреблена в качестве разговорной формы названия породы собак. В то же время основное и наиболее частотное значение слова – «уроженец или житель Кавказа» – выражено в тексте имплицитно, оно выступает фоном, обеспечивающим смысловое следствие вида: «Единственными «нормальными» представителями Кавказа являются собаки породы «кавказская овчарка» (в отличие от людей, являющихся жителями/уроженцами данного региона)» [13, с. 78]. Таким образом, «двойная актуализация» значения в креолизованном тексте приводит к созданию определенного семантического эффекта – переосмыслению вербального текста, усилению экспрессивно-оценочной составляющей его значения.

Помимо выполнения экспрессивной функции многозначность слова в массовом «экстремистском» дискурсе часто выступает способом имплицитной передачи содержания. В этом отношении двусмысленность можно рассматривать как одно из средств «снятия ответственности» за сказанное. Говорящий при этом не может не осознавать наличие у слова (высказывания) альтернативного «экстремистского» смысла, однако организует контекст таким образом, чтобы обеспечить возможность буквального («неэкстремистского») прочтения. Задача эксперта в такого рода случаях состоит в том, чтобы установить, насколько «экстремистское» прочтение очевидно для аудитории и «является ли это прочтение для единицы в данном контексте основным или хотя бы равным по активности «неэкстремистскому» [2, с. 127]. При этом важно учитывать все факторы, определяющие вероятность актуализации «экстремистского» значения, включая: жанр текста, реализованные в нем речевые цели и типы оценки, а также устойчивость значения и связанных с ним коннотаций в сознании носителя языка.

Демотиватор, в котором изображение дров, горящих в печи, сопровождается надписью: «Где место чуркам?» можно рассмотреть в качестве примера использования контекста в целях нивелировки «экстремистского» значения многозначной единицы.

В данном случае визуальный компонент создает контекст, на первый взгляд, поддерживающий прямое (литературное) значение слова «чурка²». В то же время жанровая форма реализации креолизованного текста – демотиватор – делает актуализацию прямого значения маловероятной. Особенности демотиватора как речевого жанра массовой интернет-коммуникации состоят в многоплановости его содержания, опоре на фоновые знания реципиента [14]. Знание адресатом переносного значения слова «чурка» и его коннотаций³ обеспечивает понимание двуплановости содержания демотиватора, заложенного в нем смыслового контраста. Способом усиления прагматического воздействия на адресата также является использование демотиватором вопросно-ответной формы, в которой риторическую функцию ответа на вопрос (*Где место чуркам?*) выполняет изображение.

С этой точки зрения употребление слова *чурка* в прямом значении в данном контексте является прагматически неуместным, поскольку не оправдывает выбора формы реализации креолизованного текста. Употребление слова в переносном значении – в качестве сниженной экспрессивно окрашенной номинации представителей Кавказа и Средней Азии, – напротив, позволяет выразить модальное отношение автора и реализовать речевую цель «убеждение» аудитории в необходимости действий (не обозначенных автором эксплицитно, но устанавливаемых с опорой на визуальный компонент).

Данный пример показывает, как многозначность языковой единицы обеспечивает автору спорного текста возможность реализовать «экстремистское» значение, замаскировав его за общеупотребительным значением слова в литературном языке. Вывод эксперта о том, что «экстремистское» зна-

² ЧУРКА и, ж. короткий обрубок дерева [15].

³ В «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» В.В. Химика зафиксированы следующие коннотации для жаргонного значения слова «чурка» (о коренном жителе Кавказа или Средней Азии) – «оскорбительное сравнение с обрубком бревна из-за плохого знания русского языка и обычно вследствие этого непонятливости человека, раздражающей говорящего» [16, с. 472].

чение слова является в данном контексте основным, то есть соответствующим интенции автора, должен опираться на всесторонний анализ прагматических и коммуникативных особенностей жанра текста.

Выводы

Анализ прагматических и коммуникативных особенностей неоднозначности в рамках лингвистического исследования текстов экспертизы по делам, связанным

с противодействием экстремизму, позволяет установить «намеренный» характер двусмысленности с учетом реализуемых ею прагматических функций, а также сделать выводы относительно вероятности актуализации «экстремистского» значения. С учетом интенции автора, заданной жанром текста и типом дискурса, возможно определить, является ли «экстремистское» значение единицы в данном контексте основным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамаев Н.Ю. Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 6–18.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-6-18>
2. Кукушкина О.В., Сафронова Ю.А., Секе-
раж Т.Н. Методика проведения судебной
психолого-лингвистической экспертизы
текстов по делам, связанным с противодей-
ствием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ
РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
3. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значе-
ние и обозначение. М.: Наука, 1965. 108 с.
4. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и комму-
никационное пространство. М.: РГГУ, 2007.
320 с.
5. Wasow T. Ambiguity Avoidance is Overrated.
In: Winkler S. (Ed.). *Ambiguity: Language and
Communication*. Berlin, München, Boston: De
Gruyter, 2015. P. 29–48.
<https://doi.org/10.1515/9783110403589-003>
6. Berndt F., Sachs-Hombach K. Dimensions of
Constitutive Ambiguity. In: Winkler S. (Ed.). *Am-
biguity: Language and Communication*. Berlin,
München, Boston: De Gruyter, 2015. P. 271–
282.
<https://doi.org/10.1515/9783110403589-012>
7. Nerlich B., Clarke D.D. Ambiguities We Live by.
Towards a Pragmatics of Polysemy // *Journal of
Pragmatics*. 2001. Vol. 33. No. 1. P. 1–20.
[https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00132-0](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00132-0)
8. Южанникова М.А. Двусмысленность и ее ре-
ализация в стилистической системе русско-
го языка // Актуальные проблемы стилисти-
ки. 2017. № 3. С. 89–94.
9. Южанникова М.А. Языковая двусмыслен-
ность в свете эколлингвистики // *Экология
языка и коммуникативная практика*. 2016.
Т. 7. № 2. С. 27–38.
10. Зализняк А.А. Феномен многозначности и
способы его описания // *Вопросы языкозна-
ния*. 2004. № 2. С. 20–45.
11. Судебная лингвистика. Монография / Под
ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт,
2015. 310 с.

REFERENCES

1. Mamaev N.Yu. The Issue of Objectification of
the Understanding of a Controversial Text within
Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Fo-
rensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 6–18.
(In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-6-18>
2. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N.
*Method of Conducting Complex Forensic Psy-
chological and Linguistic Examination of the
Affairs Connected with Counteraction to Extre-
mism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014.
98 p. (In Russ.).
3. Katsnelson S.D. *The Content of the Word,
Meaning and Designation*. Moscow: Nauka,
1965. 108 p. (In Russ.).
4. Uspenskii B.A. *Ego Loquens. Language and
Communicative Space*. Moscow: RGGU, 2007.
320 p. (In Russ.).
5. Wasow T. Ambiguity Avoidance is Overrated.
In: Winkler S. (Ed.). *Ambiguity: Language and
Communication*. Berlin, München, Boston: De
Gruyter, 2015. P. 29–48.
<https://doi.org/10.1515/9783110403589-003>
6. Berndt, F., Sachs-Hombach, K. Dimensions of
Constitutive Ambiguity In: Winkler S. (Ed.). *Am-
biguity: Language and Communication*. Berlin,
München, Boston: De Gruyter, 2015. P. 271–
282.
<https://doi.org/10.1515/9783110403589-012>
7. Nerlich B., Clarke D.D. Ambiguities We Live by.
Towards a Pragmatics of Polysemy. *Journal of
Pragmatics*. 2001. Vol. 33. No. 1. P. 1–20.
[https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00132-0](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00132-0)
8. Yuzhannikova M.A. Ambiguity and its Imple-
mentation into the Stylistics System of Russian
Language. *Actual Problems of Stylistics*. 2017.
No. 3. P. 89–94. (In Russ.).
9. Yuzhannikova M.A. Language Ambiguity in the
Light of Ecolinguistics. *Ecology of Language
and Communicative Practice*. 2016. Vol. 7.
No. 2. P. 27–38. (In Russ.).
10. Zaliznjak A.A. The Phenomenon of Polysemy
and Ways of Their Description. *Issues in Lin-
guistics*. 2004. No. 2. P. 20–45. (In Russ.).
11. Matveeva O.N. (Ed.). *Forensic Linguistics.
Monograph*. Barnaul: Kontsept, 2015. 310 p.
(In Russ.).

12. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на примере креолизованных текстов). Учебное пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Тезаурус, 2013. 122 с.
13. Дайлоф Е.Л. К вопросу о лингвистическом анализе невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 76–81.
<https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-76-81>
14. Крылов Ю.В., Стексова Т.И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. Т. 25. № 1. С. 53–61.
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИНФОРТЕХ, 2010. 874 с.
16. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. Т. 2. О-Я. СПб.: Златоуст, 2017. 532 с.
12. Anisimova E.E. *Text Linguistics and Cross-Cultural Communication (on the material of creolized texts)*. Moscow: Tezaurus, 2013. 122 p. (In Russ.).
13. Daylof E.L. The Linguistic Research of Nonverbal Component of a Composit Verbal/Visual Text: Problems of Verbalization Sense. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 3 (43). P. 76–81. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-76-81>
14. Krylov Yu.V., Steksova T.I. New Genres of Internet Communication (Based on Demotivators and Memes). *Speech Genres*. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 53–61. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Glossary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow: INFOTEKH, 2010. 874 p. (In Russ.).
16. Khimik V.V. *Dictionary of Russian Colloquial Speech: In 2 vol.* Vol. 2. O–Ya. St. Petersburg: Zlatoust, 2017. 532 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожара Олеся Владимировна – государственный судебный эксперт ФБУ Саратовская ЛСЭ Минюста России; e-mail: okozhara@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kozhara Olesya Vladimirovna – State Forensic Expert, Saratov Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: okozhara@mail.ru

Статья поступила: 12.09.2022
После доработки: 30.10.2022
Принята к печати: 15.11.2022

Received: September 12, 2022
Revised: October 30, 2022
Accepted: November 15, 2022